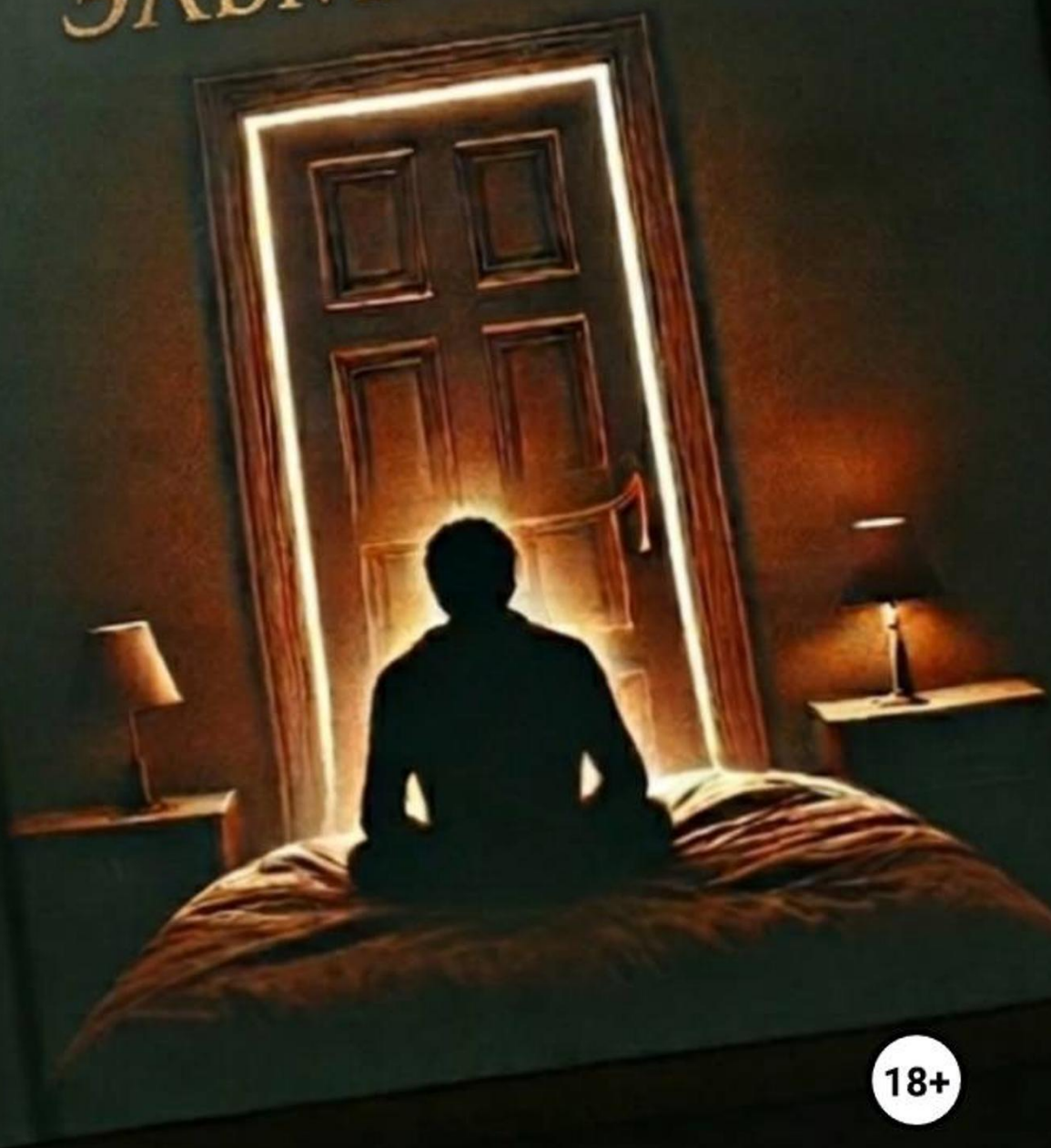


СТУК В ДВЕРЬ ЭЛЬМАР САФИ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эльмар Сафи
Стук в дверь

«Автор»

2026

Сафи Э. Е.

Стук в дверь / Э. Е. Сафи — «Автор», 2026

В маленькой сырой комнате, где свет едва пробивается сквозь зашторенные окна, 20-летний парень открывает старую школьную тетрадь. Он устал ненавидеть чужое счастье и презирать себя. Впервые он решает рассказать самому себе всю правду о своей же жизни. С того времени, когда у него ещё была любящая семья, тёплый дом и детский смех. Но где-то там, за гранью воспоминаний, уже раздаётся тихий, но неотвратимый стук в дверь который меняет всё...

© Сафи Э. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эльмар Сафи

Стук в дверь

Глава 1

Дорогой дневник, ты знаешь, что такое — завидовать обычному человеческому счастью? Откуда тебе знать это? Ты ведь старая тетрадка из моего 8 класса, которую я когда-то забросил в шкаф и забыл на долгие годы. Но тем не менее сама судьба привела меня к тебе. Мне интересно, просто интересно... что значит быть обычным, нудным и где-то скучным, но даже при этом — тем самым простым, ничем не примечательным, но таким желанным? Той самой обычной жизни, такой заурядной! Иметь возможность заботиться о ком-то или чувствовать заботу близких. Быть особенным — да-да, именно особенным, возможно, не для всех, не для мира сего, но хотя бы для кого-то. Ощущать то самое чувство, когда есть тот, кто умеет поддерживать, кого ты поддержишь, и так идти по жизни, просто взявшись за руки. Молча смотреть вперёд и идти. Мне так не хватает этих чувств.

Я сижу в маленькой, тёмной и сырой комнате. Включил тусклый свет и закрыл окна шторами, чтобы свет не просачивался ни внутрь, ни снаружи. Я смотрю по сторонам, всё настолько мне знакомо и в то же время так далеко. Тут я провёл большую часть своей жизни. Вырос и стал тем, кто я есть сегодня — мужчиной. Но ведь эта комната не всегда была такой мрачной, тут не всегда пахло сыростью, тут был смех, радость, печаль... но сегодня тут пустота, и эта пустота ещё более опустошает моё сердце, мою душу.

Как мой хороший знакомый посоветовал: начать записывать свои мысли на бумаге — писать о проблемах, тяжёлых, а также радостных минутах жизни. Это, вроде бы, должно помочь мне пересмотреть свою жизнь или ту ситуацию, в которую я попал, оценить всё хорошее и переоценить, и постараться перечеркнуть всё то плохое, что было со мной в тот момент. Сегодня я решил это сделать, но переоценить не какой-то момент моей жизни, а всю жизнь, весь мой грёбаный путь. Возможно, это поможет начать мне всё с чистого листа. Не знаю, правда ли это или нет, но я всё же попробую. Да и на данный момент, в моём положении, я не вижу другого пути.

Я не знаю, к кому обратиться, я не знаю, кого попросить о помощи. Да, я считаю это тупо и смешно — записывать свои мысли, как девчонка-подросток в розовый дневник. Но также где-то в глубине души я надеюсь, что это мне поможет. Я очень надеюсь на это! У меня за всё это время накопилась масса вопросов, на которые я не могу найти ответов, и мне хочется верить, что в итоге смогу найти их, наконец-таки выбраться из этой ловушки, куда отправила меня сама судьба. Куда я загнал самого себя. Да, судьба предельно поиздевалась надо мной, но во всём, во всём, что произошло, виноват только я и никто больше.

Иногда, когда я вижу на улице, в кафе или в парках весёлых парней и жизнерадостных девчонок, милых стариков, трясущих своими конечностями, играющих детей с памперсами на попе и особенно влюблённые пары — когда их лица светятся радостью и удовлетворением от той жизни, которую они проживают, — апатия захватывает меня, и внутри всё переворачивается. Чувство злости, зависти, безысходности вновь и вновь окутывает мою душу, мой разум, а кровь стынет в жилах, и сердце перестаёт меня слышать. А я перестаю слышать его. Это больно, невыносимо и отвратительно. Я ненавижу всех, ненавижу всеми фибрами своего тела. Этих лицемеров. Тупых и конченных человечков, что называют себя добрыми, счастливыми... ненавижу ублюдков, что смотрят на меня свысока, оценивающе, и тех, что считают меня хуже себя. Подонки, мрази...

Я часто спрашиваю себя: почему у меня всё сложилось не так, как у многих? Почему? Я не хочу просто существовать, я не хочу выделяться, хочу жить обычной, стабильной и очень неинтересной жизнью. Радоваться, как эти люди, те самые, что гуляют по паркам, те, что каждый день своим присутствием сжигают мне глаза. Я злюсь, видя их счастье, мне не хватает воздуха, я просто задыхаюсь. Мне всего лишь 20 лет, а внутри я чувствую себя глубоким стариком, но не без причины. Те ошибки, что я совершил, заставляют меня думать, что я лжец и просто мразь. Я повидал голод, предательство и потери. Да что я вру, я и сам предавал — без капли совести. Я просто мразь. Иногда мне кажется, что я не достоин ходить по этой земле. Но при этом я так люблю эту жизнь, я хочу ходить по земле, очень хочу, но ходить по ней с высоко поднятой головой. А мои комплексы и тараканы мешают мне, от чего я чувствую себя ещё более никчёмным, использованным, выброшенным, как ненужная вещь. Вещь, которая никому и никогда по-настоящему не была нужна.

Я никогда никому не желал зла, но эта зависть, злость и апатия душат меня. Не дают покоя, я не могу так жить дальше. Просто не могу. Я устал! Не подумай, я борюсь с этим чувством, я стараюсь, очень стараюсь, но, оставаясь с самим собой наедине, понимаю: эту игру чувств мне не победить. Но чтобы понять меня, давай начну всё с самого начала. С тех самых пор, когда судьба повернулась спиной ко мне и ехидно посмеялась надо мной и моими близкими.

Сегодня уже не верится, но я родился в счастливой, здоровой семье. Отец был простым работягой, строителем. Добрым, весёлым... Помню, как бы он ни уставал после работы, всегда усаживал меня к себе на колени, рассказывал страшные истории и щекотал до слёз. По утрам он всегда готовил мне завтрак, рассказывал небылицы и много меня смешил — мы здорово проводили время. А после его ухода на работу я оставался с мамой. Она была такой милой, весёлой, заботливой и терпеливой. Я очень сильно её любил. Она никогда не повышала на меня голос, всегда была внимательна, заботлива и добра. Она была чудесной мамой. У меня были прекрасные родители...

Мы часто гуляли с ней, ходили по разным красивым местам. Мне тогда казалось, что у неё много друзей и мы часто ходим в гости, и только повзрослев, я узнал, что она была просто уборщицей. Работала по найму и прибиралась в разных квартирах, офисах и других местах. Она была вынуждена помогать папе закрывать дыры, что не получалось у папы. Оставить меня с кем-то было невозможно, поэтому она всегда забирала меня с собой. А я радовался, что выйду погулять. В общем, мы жили бедно, но в доме всегда было светло, сытно, уютно и тепло.

Только повзрослев, я узнал, что они вместе выросли в приюте для детей и были брошенными, теми, кто не знал, кто их род, из какой они семьи. Не знали своих родителей. Я не знаю историю их любви, лишь знаю, что они выросли вместе. Надеюсь, они были влюблены. Возможно, они женились, чтобы не оставаться одними, возможно, по любви — не знаю. Я лишь надеюсь, что их история любви не повторится более ни с кем. Но я точно знаю одно: кроме друг друга и меня у них не было ничего и никого. Даже эту квартиру им выдало государство в рамках помощи детям со сложной судьбой. Наверное, поэтому они ценили каждую минуту в их совместной жизни, свою любовь, потолок над головой, тёплый уютный уголок и, конечно же, меня.

Я часто слышал, как они смеялись и шутили. Отец часто называл маму: «Моя Золушка», а она, смеясь в ответ: «И где же мой замок, о мой принц?». Они всегда громко разговаривали, много спорили, обсуждали разные темы. У нас всегда было много людей, дом был полон чужими людьми. Порой я засыпал под столом, слушая их разговоры, которые я не понимал, и много смеха, что радовал мой слух. Только сейчас я понимаю, что оказался из тех детей, которые просыпались и засыпали с улыбкой на лице. Тогда я и не мог подумать, что им было очень тяжело. Но они делали всё возможное, чтобы стать счастливее, сделать меня и друг друга счастливыми. И у них это хорошо получалось.

Не знаю, смог бы я, став родителем, быть хотя бы отдалённо похожим на них. Особенно на отца. Быть мужем, как отец. Не знаю, сегодня я в этом сомневаюсь. Наверное, этого никогда не случится. Я ядовитый своими проблемами в голове, комплексами и ошибками. Мои чувства просто деформировались, атрофировались. Их у меня просто нет. Я не умею любить, я не хочу любить. Я не хочу ни себе, ни другим делать больно. Больше не хочу любить и быть любимым. Я слишком сильно боюсь этих чувств.

Но есть крылатая фраза «И счастье длилось недолго». Всего в пять лет я ощутил свою первую настоящую утрату. Эта утрата изменила меня, сломала, разбила вдребезги нашу семью. Мы просто перестали быть той семьёй, что имела хороший шанс на достойное будущее. Шанс на моё счастливое будущее был уничтожен в один миг. Это сделало меня тем, кем я стал. Одиночкой. Я не помню, какой это был день, только знаю, что уже было поздно. Обычно на ужин мы собирались вместе, но в тот вечер папа не пришёл домой. В тот же день папа, как обычно, не рассказал мне страшилку, не рассмешил. Я ждал его, долго ждал, но так и не дождавшись, уснул, погружаясь в сладкий мир фантазий.

Вдруг раздался звонок, и я проснулся от звонка телефона. Услышал крик, я бы даже сказал, что это был не крик — это был вой. В тот момент я вскочил с постели и выбежал к маме. Сначала я не узнал голос, лишь через мгновение понял, что это она. Её голос заставил меня вздрогнуть. Мне стало очень страшно, мне не было так страшно никогда. Я не понимал, что происходит. Позже на её крик сбежались соседи, какие-то незнакомые мне люди... Но её невозможно было успокоить. Она только кричала. Кричала. Громко плакала.

Я не понимал происходящего, но что-то щелкнуло во мне. Я ощутил потерю, но не мог этого объяснить. Говорят, детский разум защищается от боли. Наверное, это на самом деле так? И в тот момент разум защитил и меня... Но защитил до тех пор, пока в дом не внесли бездыханное тело отца, завёрнутое в простыню. Я помню это так, как будто этот ужас был только вчера. Помню, как вокруг него собрались люди, читали молитвы на непонятном мне языке и плакали. А я... Я не мог понять, что происходит, не мог поверить в это. Я кричал, звал отца, я просил его проснуться. Я просил рассказать мне сказку. Но этого не случилось.

И в тот миг, осознав происходящее, я понял: жизнь больше не будет прежней... В тот миг я вырос не по годам. Господи! Зачем эти взрослые люди позволили мне там находиться? Ведь я был всего лишь ребёнком. Маленьким ребёнком. Я смотрел на его тело, смотрел на маму, на чужих мне людей. В тот момент я заметил, что мама не видела никого, не могла говорить, кричала, плакала. Её светло-зелёные глаза стали чёрного цвета! Я не знал, что делать. Оплакивать отца? Переживать за маму? Я никогда ничего не терял и не знал, как оплакивать потерю.



В тот момент я лишь шептал: «Мама, мама...? Что происходит? Почему папа не отвечает, почему он не просыпается? Я не понимаю...». Я на самом деле не понимал. Но сегодня я понимаю: это был последний день моего счастливого детства.

О, папа... Как же я по тебе скучаю. Если бы ты только был здесь... Может, всё было бы иначе.

Глава 2

Этот день стал точкой начала, то было лишь начало моих страданий. После того дня всё изменилось. Мама больше не брала меня гулять и «завоёвывать новые замки», мы больше не завтракали по утрам и не ужинали по вечерам. У нас стали часто выключать свет, а еду приносили разные люди.

Мама никак не могла прийти в себя, словно весь её мир рухнул после смерти отца. Она днями и ночами лежала в постели, практически не вставала. Да, её пытались поддержать близкие друзья, но и это не помогало. Ей не становилось лучше, а только хуже. В первое время к нам часто заходили её друзья, друзья папы. Но со временем и их становилось всё меньше, и в результате в нашу дверь больше никто не постучал. А я ждал этого стука в дверь, очень ждал. Надеюсь, что папа вернётся, надеюсь, что мы остались не одни. Да, при этом из всех знакомых, кто к нам заходил, в итоге лишь одна подруга оставалась рядом ещё некоторое время, пока и она не перестала к нам заходить.

Она меня кормила, одевала и купала. Порой забирала к себе на ночёвку. Помню, что я даже не хотел возвращаться домой. Мне казалось, что меня никто не ждёт. Но надежда, что вернётся папа, заставляла меня возвращаться домой, и тот миг, когда я забежал домой, надеюсь увидеть его, — передо мной появлялась одна и та же сцена. Настал тот день, когда и она перестала к нам заходить. Помню, как в последний раз она пришла к нам, и они долго о чём-то с мамой спорили, кричали друг на друга. В конце концов мама её выгнала, и после того дня никто из её друзей к нам так больше и не зашёл. Я так и не понял, что произошло между ними. Я бы очень хотел её увидеть и поблагодарить, но мне также хотелось узнать: почему она и меня бросила? Ведь я не был ни в чём виноват.

Маме становилось ещё хуже, и она нашла самый лёгкий путь, выбрала путь, который сломил её ещё больше и сделал меня сиротой при живой матери — много русской водки. Мама больше не лежала целыми днями в постели. Она сидела у себя в комнате, слушая музыку и ругая всех самыми страшными словами, что я слышал за всю мою короткую жизнь. Она выходила из дома лишь с одной целью: купить бутылку. На тот момент это был максимум, на что она была способна. Она перестала работать, перестала готовить еду. В те дни я питался чем попало. Кто что подбросит — это был мой завтрак, обед и ужин. Она почти перестала обращать на меня внимание. Я уже не говорю про заботу и ласку. Из яркой, красивой женщины она превратилась в холодного, иссохшего и больного человека. В пьяницу, для которой бутылка стала важнее сына и друзей.

Дом погрузился в тишину и мрак — и это угнетало меня. Лишь иногда, фантазируя, я забывал о проблемах и одиночестве, но потом жалость возвращалась, и я плакал до потери сил. Я старался плакать тихо, чтобы мама не услышала. Когда она замечала, что у меня красные глаза или ловила меня в слезах, то обязательно выгоняла из дома, кричала и садилась продолжать пить. Мне с каждым днём становилось хуже и хуже. Я не знал, как с этим бороться. На все мои попытки поговорить её холодный и осуждающий вид затыкал меня, не успев я открыть рот. Это было больно. Очень больно.

Вспоминая те дни, я всегда задавался вопросом: «Неужели она не видит во мне хотя бы частицу своего любимого человека? Неужели у неё не осталось материнской любви?» Я винил себя. Винил во всём: в том, что не смог её спасти и помочь. Моя маленькая головка не могла понять и справиться с этим грузом. Когда я потерял отца, я и не думал, что потеряю также и мать. Всё это время я растил себя сам, буквально рос как сорняк. В итоге осознал, что стал сиротой, и мне оставалось лишь одно — смириться со своей судьбой. Что я и сделал.

Конечно, были и светлые моменты. Из-за состояния мамы и её безразличия ко мне мной занялся друг отца. Он жил неподалёку. Как-то увидел меня на улице — сидящего, одетого в

старьё, как нищий и бездомный парнишка. После ухода подруги мамы он стал единственным, кто оставался в нашей жизни. Мне было, с одной стороны, радостно, но и грустно, когда в первый класс меня повёл не папа или мама, а совсем незнакомый мне человек. Но и это не продолжилось долго, и через некоторое время и его визиты стали редкими. Мы виделись только по праздникам. Тем не менее дядя Давид — так его звали — был всегда на связи.

Думаю, его дружба с отцом обязывала его к той малой радости, которая у меня была, которой он делился со мной. Или, возможно, это была простая жалость? Когда он приходил, эти редкие визиты становились для меня настоящим праздником. Я называл такие дни «моим личным Рождеством». В какой-то степени он стал для меня отцом. Пусть и на время. Этот период был для меня светом в конце туннеля и спас меня. Хоть и ненадолго, но я мог погрузиться в своё детство и почувствовать себя хотя бы чуточку счастливым ребёнком. Я потихоньку начал ощущать, что с нами перестали общаться даже соседи. Рядом, кроме него, не было ни друзей, ни знакомых. В глазах многих я стал сыном матери-алкоголички, ребёнком людей, которых лучше обходить стороной. Я не понимал, почему соседи избегали нас, и понял это лишь годы спустя. Ты можешь себе представить чувство вины, которого не должно быть? Чувство обиды и жалости к самому себе? Любой косой взгляд прохожего на улице — и мне казалось, что он смотрит только на меня. Глазами осуждения и предвзятости. Неприязни и брезгливости.

Когда дядя Давид перестал водить меня в школу, я научился всему сам. Просыпаться, готовить завтрак, приводить себя в порядок и ходить в школу. Так проходил каждый мой день. Но каждое утро, просыпаясь, я продолжал надеяться, что мама станет прежней, излечится от этой болезни — обнимет меня, скажет, что любит. Извинится, и всё изменится. Всё станет как прежде. Но чуда так и не произошло. Так же, как и дверь не постучалась, и папа не зашёл со словами: «Это была шутка. Я жив!» Так мы жили несколько лет.

Когда мне исполнилось девять, маме стало немного легче. Четыре года беспробудного пьянства, криков и истерик. Но даже после того, как она перестала пить, наши отношения так и не наладились. Она стала часто куда-то уходить, возвращаться поздно ночью, а иногда и под утро. Порой пропадала на несколько дней. Со временем я и к этому привык. Если раньше во время очередной пьянки она обвиняла меня во всех своих бедах, то в тот период она стала просто ледяной. Мы давно перестали разговаривать. Мы перестали даже смотреть друг другу в глаза. И тем не менее я был рад, что ей стало лучше. А свою детскую обиду держал в себе — мне пришлось научиться этому за все эти годы. Это меня мучило, но кому до этого было дело? Лишь мне самому в моём разбитом мире грёз.

Ты думаешь, это конец? А нет, и это не самое страшное, что со мной произошло. Так, когда мне исполнилось тринадцать, мама просто ушла. Не веришь? Да, ушла! Сейчас, когда я думаю, мне кажется, что на тот момент это был её самый правильный шаг. Хотя вопрос «Но как? Как можно оставить своего сына-подростка в ещё большем одиночестве?» мучил меня многие годы.

Так в один «прекрасный» день, когда вокруг всё расцветало, моё сердце замёрзло в один миг. Она посадила меня перед собой и тихо, без эмоций, сказала: — Я ухожу. Не ищи меня. Я буду отправлять тебе деньги, что смогу, но не хочу, чтобы ты был в моей жизни. Я не хочу тебя больше видеть. Если понадобится помощь, обращайся к Давиду. Это был первый наш нормальный диалог за последние годы. Хотя бы — думаю я сегодня, вспоминая тот разговор. Записала его номер на клочке бумаги и протянула мне. Она даже не знала, что мы иногда общаемся, что именно он повёл меня в первый день в школу, дарил мне подарки и как мог помогал. Я посмотрел на тот клочок бумаги, что она мне протянула, и поймал себя на мысли: а как мне ему звонить, если дома уже давно вырубили телефон?

Вначале я не поверил своим ушам, и когда осознал происходящее, то помню, как в тот момент земля ушла из-под ног. Я не мог сдержать слёз. Никогда в жизни я так не плакал, никогда так не кричал. Я просил её не оставлять меня. Извинялся за всё: за то, что был плохим

сыном, за то, что сделал, и даже за то, чего не делал. Буквально за всё. Бросившись к её ногам, я обнял их, умоляя не уходить. Я повторял, что люблю её. Но она не слышала меня. Этого оказалось недостаточно. Её сердце даже не вздрогнуло. Пока я молил её остаться, её взгляд оставался холодным. Она продолжала стоять отрешённая и смотрела на меня как на чужого человека, будто не узнавала, кто перед ней. В её глазах я не был сыном.

Если бы мою мольбу к маме можно было измерить энергией, то волны отчаяния погасили бы все звёзды в ночном небе. Напоследок она сказала лишь: — Ты будешь жить один. Ты справишься. Не забудь — веди себя тихо, очень тихо. Это для нашего общего блага. Есть люди, злые люди, которые могут прийти за тобой! Они заберут тебя, поместят туда, откуда ты никогда не выберешься. Не забудь. Я должна уйти! Произнеся эти слова, она оттолкнула меня и захлопнула за собой дверь. Звук её каблуков с каждым шагом отдалялся, пока полностью не исчез. Так я много часов просидел на холодном полу в углу комнаты, смотрел на дверь и ждал, ждал, надеясь, что она вернётся. Но этого не произошло. И я заснул, так и не дождавшись мамы. После этого дня я много думал: за что она так со мной? Каким надо быть человеком, чтобы бросить сына на произвол судьбы? В чём моя вина?

Однажды мой сосед, мой друг Рауль, сказал мне, что, скорее всего, это была депрессия — люди в таком состоянии не ведают, что творят. Но как объяснить это мальчику, которому просто нужна была мама? После её ухода дядя Давид действительно передавал мне деньги со словами, что это от неё. Я не верил, но вынужденно принимал. Да, их не хватало на жизнь, но хоть как-то помогало решать некоторые проблемы.



Так в пять лет я потерял отца, но стал сиротой в действительности в тот момент, когда за мамой захлопнулась дверь. А её слова о чужих людях, о месте, куда нельзя попадать, посеяли во мне страх. Я боялся, что за мной придут, много мыслей приходило в голову. Разные мысли, сценарии, что очень мешало мне сближаться с людьми. Просто жить. После этих слов я каждую ночь просыпался в поту, с криками. Страшные сны не оставляли меня годами. В итоге я стал недоверчив, и одиночество стало моей тенью, моей половинкой.

Этот страх, что за мной вот-вот придут, был сильнее всех других эмоций. Он мешал мне жить и радоваться. Я понимал, что мне некуда бежать.

Глава 3

Вспоминая те времена, я часто думаю о своих первых годах в школе. Не знаю, как у других, но я был изгоем в классе. Со мной практически никто не разговаривал. Меня не приглашали на дни рождения, никто не хотел сидеть со мной за одной партой. Я был растерянным, плохо одетым, исхудавшим и неприятно пахнущим ребёнком. Так кто же захочет с таким дружить? По мне — никто!

Но надо признать, что и я не горел желанием сблизиться с кем-то. Мне было страшно, что люди узнают о моём истинном положении, я боялся раскрыться, поделиться с одноклассниками. Сам игнорировал их и создал для себя уголок, где мои страдания были моим богатством. Мне даже нравилось себя истязать. Я не знал другого. Мне казалось, что так лучше. Иногда я мечтал оказаться на месте любого из них. Но надо признать себе: я восхищался моим горем и самобичеванием. Это меня делало другим. Не таким жалким в моих глазах. Я был героем моего странного рассказа.

Быть ребёнком, который был центром скрытых издевательств одноклассников и игнорируемым в большинстве случаев учителями, которые просто закрывали на это глаза, делая вид, что всё в порядке... Когда другие дети изучали мир, получали подарки и внимание близких, познавали лучшие стороны жизни и просто оставались детьми, мне приходилось выживать — не умереть от голода и холода, заботиться о вечно пьяной матери, которая в агонии билась в истерике, не понимая, что происходит вокруг, не желая видеть во мне своего ребёнка.

Я особенно стеснялся всего этого. Мне было стыдно за то, как я выгляжу и как пахну. С годами чувство стыда переросло в необъятную ненависть. Ненависть стала моим попутчиком. Она была направлена на судьбу, на отца, который умер, на мать, которая сдалась и спилась. Но особенно я ненавидел себя. Эта ненависть разъедала меня изнутри. Я ненавидел всё, что привело меня к той ситуации. Я ненавижу тот стыд, который испытывал в те годы.

Как сейчас помню один случай, произошедший со мной в школе. Возможно, он покажется мелким, но не для меня. Этот день я никогда не забуду. В один из моих очередных мрачных дней одна девочка, с которой я даже не был знаком, подошла ко мне и насмешливо спросила, почему у меня так сильно пахнет изо рта и почему я так неопрятно одет. А затем добавила, что я «вонючка» и «нищоброд», что все считают меня ублюдком. Хотя в тот день я был чист, опрятен и вроде неплохо пахнул. Она сказала, что никогда не станет дружить с таким, как я. Повторив слово «никогда», взглянула на меня как на микроб и, просто повернувшись, ушла.

Тогда я впервые услышал слово «ублюдок». Не знаю, понимала ли она значение этого слова? Я его ещё не знал. Эти слова были сказаны с таким пренебрежением, что ранили. Ранили до глубины души и так сильно, что в тот день я проплакал до самого утра в подушку. Когда на следующий день вернулся в школу, то не мог ни на кого смотреть — просто ходил с опущенной головой. В моём обычном положении — униженного ублюдка.

Я часто думал про себя, твердил себе: «Я ведь никому не сделал ничего плохого. Зачем они так со мной поступают?» Я не понимал их истинной причины, ненависти, которую они испытывают ко мне. А возможно, просто не хотел понять и отгонял эти мысли подальше от себя. Да, дети бывают жестокими, и это неизменная часть детской жизни. Мир выживания, который на самом деле полон агрессии, неумения лицемерить и нежелания думать о чувствах других. Так по-детски, но с особой жестокостью.

Но даже тогда у меня было маленькое окно в иной мир. О своих проблемах я мог поделиться только с дядей Давидом. И это было единственное, что радовало меня в те редкие дни, когда он приходил навестить меня. Так, через несколько дней после того случая он зашёл к нам в гости, и я, собравшись с духом, рассказал ему о тех издевательствах и притеснениях,

которым подвергался в школе. Я рассказал про маму, так как он всегда встречал меня снаружи и не знал про то, какой она стала — он никогда не заходил домой. Возможно, он просто не хотел принять факт, что она больше не такая жизнерадостная, красивая женщина, какой была до смерти папы.

Его реакция была на удивление однозначной: я ощутил, как он расстроился. Я никогда не видел его таким нервным и озабоченным. И чем больше я ему рассказывал, изливая душу, тем сильнее менялось его лицо: оно наливалось краснотой, а руки тряслись от злости. Он нервно курил и покрасневшими глазами смотрел на меня через густой дым от сигарет. Он даже не представлял, что всё настолько плохо. Я даже в миг пожалел, что рассказал — настолько мой рассказ его задел.

И тогда он взял с меня слово, что я больше ничего не буду от него скрывать и всегда буду рассказывать о том, что меня беспокоит. После нашего разговора он решил отвезти меня в магазин. Там он купил мне всё, что было необходимо. Я жадно смотрел на всё это. Не веря своим глазам, собрал всё в охапку и радостно благодарил его. Сцена была душераздирающей. Аж мне жаль этого пацана. Я так экономно этим пользовался, что все эти вещи прослужили мне ещё долгое время. А экономия всего, на чём можно сэкономить, стала моим вторым именем, образом жизни.

Могу сказать, что дядя Давид дал мне то, что мог дать в тот момент. Думая о своём детстве и его роли в моей жизни, я осознаю: несмотря ни на что, я всегда буду благодарен ему за то, что он сделал для меня в те годы. Но, несмотря на всё это, даже в тот радостный миг я понимал: дядя Давид не всегда будет рядом. Я осознавал, что я не такой, как все. Я всегда буду для кого-то объектом издёвок, люди всегда будут находить тех, об кого можно вытереть свои грязные ботинки. Это закон джунглей.

Я всегда был честен с самим собой и, признаваясь себе в этом, уверен, что: «Скорее всего, будь и я на их месте, также смеялся бы над такими же неудачниками, как я». Но реальность была таковой: я был не ими. Я был тем, над кем смеялись и кого презирали.

Тогда я принял своё первое осознанное решение, изменившее меня и мою жизнь навсегда. Я дал себе слово: несмотря ни на что, я не сломаюсь. Не сдамся и буду продолжать бороться. Несмотря ни на что! «Пусть лучше я, чем меня!» — стал моим девизом в те годы и по сей день. Тогда я решил, что моя борьба будет не с людьми, не с одноклассниками, не с обществом, не с покойным отцом, которого я по сей день люблю больше жизни, и не с матерью, у которой отняли самое сокровенное, что сломало её жизнь, — а с самим собой.

Я понял, что если хочешь чего-то добиться, надо самому действовать, не ждать подачек и начать зарабатывать свои деньги. Я был готов на любую работу, чтобы достичь своей цели. В тот момент я не осознавал всей важности, и у меня не было определённой цели, но цель ради цели — тоже неплохое начало. Я был готов свернуть горы, а если придётся — и шею.

Когда мама оставила меня, и через некоторое время я пришёл в себя, я решил найти себе работу. Каждый день после школы я отправлялся куда глаза глядят. Подходил к магазинам, кафе, стоянкам — искал работу везде, где только мог. Проходили дни, недели, но мне всё ещё не везло. Меня отовсюду гнали со словами: «Иди учись, парень!» Но я не сдавался и продолжал искать.

И в один прекрасный день удача наконец улыбнулась мне — я нашёл своё первое место работы. В тот миг, когда руки уже опустились и я перестал верить, что смогу найти её, я всё же вышел на поиски. Подумав про себя: «Наверное, это в последний раз». Я шёл в никуда, шёл туда, куда глаза глядят. И случайно заметил вывеску: «Нужен работник». Тогда у меня промелькнула мысль, что меня опять начнут гнать. Но я всё же решил подойти. Рискнуть.

На улице в тот момент было много людей, все куда-то спешили. Перед кафе, у дверей, стоял страшный, большой и толстый дядька. Я сильно волновался, но всё же подошёл к нему. Подняв голову и посмотрев на него, спросил:

-Дядя, у вас нет для меня работы? Хоть какой-нибудь? Я умоляю вас! Я готов на всё!
Оказалось, что он был хозяином заведения. Он посмотрел на меня своими круглыми глазами, подтянул брюки и жутковатым голосом спросил:

— На всё что угодно? — На всё! На всё! — слегка дрожащим голосом ответил я.

Вдруг он внезапно схватил меня за руку и завёл в кафе. Я так испугался — аж до дрожи, и едва не расплакался от страха. Мне показалось, что он из тех, кто привязывает маленьких детей к столбу и бросает им кость для забавы. Мне стало очень страшно, но я держался изо всех сил, стараясь не показывать своего страха.

В одно мгновение я оказался внутри. Он снова посмотрел на меня и, наверное, поняв, что напугал, улыбнулся. Его глаза заблестели. В тот момент я увидел его внутренний мир — он был полон доброты, а его улыбка до сих пор перед моими глазами.

— Сынок, не бойся. Когда-то и я был на твоём месте. Я помогу тебе. В тот миг у меня задержалось дыхание, стук сердца замедлился, а он продолжил:

— Так что ты умеешь? Умеешь мыть посуду? — прищурившись, спросил он.

— Я готов мыть всё грязное в вашем кафе! — выкрикнул я своим ещё не пищущим голосом.



Он посмотрел на меня еще раз и позвал другого парня. — Марс, Марс! — выкрикнул он. — Знакомься, наша новая посудомойка. Ты повышен в должности! В тот миг он сильно рассмеялся. У него был такой заразительный смех, что нехотя и мы рассмеялись вместе с ним. Марс поздоровался и повёл меня показывать кухню, спросив, когда я готов начать. Тогда я подумал — какой глупый вопрос, ответив:

— Да хоть сейчас. Марс посмотрел на меня, улыбнулся и начал объяснять, как тут всё устроено. Потом спросил:

— Пацан, а тебе сколько лет?

— Тринадцать, — ответил я.

— Нет, чувак, тебе шестнадцать!

— Ага, как скажешь, — подмигнул я ему в ответ.

— Так сколько лет тебе ещё раз? — переспросил он. На что, улыбаясь во весь рот, я твёрдо ответил:

— Мне шестнадцать.

Марс улыбнулся в ответ и сказал, что всё будет хорошо. Я не мог поверить своим глазам. Я не мог поверить, что это со мной происходит. Ведь пять минут назад я готов был сдаться.

Да, может, многие думали, что это была дешёвая забегаловка, но она была для меня такая родная. Там я мог укрыться от драконов, преследующих моё королевство. Я мог побыть со своими мыслями наедине.

Там я нашёл семью, заботу, тепло и спокойствие, о которых так долго мечтал. И моя цель на тот момент была достигнута. Я заработал свои первые деньги. Я стал частью чего-то большего. И это была моя первая победа над собственными демонами после стольких ле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.